

Г. М. Шавердян

От автора

Автор считает своим долгом выразить благодарность коллективу журнала «Перспективы науки и образования» за его оперативность и высокую коммуникативную культуру, чего нельзя сказать о некоторых иных изданиях. Так, предлагаемая статья первоначально была отправлена в редакцию журнала «Культурно-историческая психология», где пребывала пол года. Путем огромных усилий нам удалось получить ответ: «Ваш материал не соответствует тематике нашего издания». Не придавая особого значения тому факту, что журнал не опубликовал данную статью, отметим, что для подобной формулировки по меньшей мере странно испытывать необходимость в столь пролонгированном рецензировании. Если же рецензенты имели иные соображения, неплохо бы, не делая из этого военной тайны, поделиться ими с автором, по ходу дела преодолевая высокомерие и учась уважать авторов.

Не можем не заметить также, что несоответствие темы «Ницше» тематике издания вынуждает логически заключить, что редакция журнала «Культурно-историческая психология» изъела имя Ницше как из культуры, так и из истории и психологии.

Ницше: пророк, безумец, терапевт

В статье рассматривается личность Ницше не только в ракурсе патопсихологии (обосновывается, что клиническая картина его болезни выходит за рамки всех прежних и новых классификаций болезней и даже обесмысливает классификацию как таковую), но и с точки зрения специфического психотерапевтического эффекта его творчества на читателя. Показано, что парадоксальное мышление Ницше побуждает мыслить и мотивирует исцеляющую психику самопознание. Причина по которой Ницше не исцелил себя сам, показана на примере «Антихриста», где он пытается осуществить поиск Бога средствами естествознания. Рассмотрены также некоторые его гениальные прозрения, а также формы, в которых эти прозрения реализованы в современном мире

Ключевые слова: предсказание, болезнь, диагноз, сомнение, форма, содержание, Бог, «Антихрист»

G. M. Shaverdian

Nietzsche: prophet, madman, the therapist

The author analyzes the personality of Nietzsche not only in terms of psychopathology, but also from the viewpoint of specific therapeutic effect on the reader. It is shown that the contradictory thinking of Nietzsche (each a "yes" is contrasted with "no" and vice versa) encourages the reader to think and promotes self-knowledge. In the article also discussed the main prophecies of Nietzsche and how this has realized in the modern world

Keywords: disease, diagnosis, predictions, doubts, God, Antichrist

План, что и говорить, был превосходный: простой и ясный, лучше не придумать. Недостаток у него был только один: было совершенно неизвестно, как привести его в исполнение
Льюис Керролл, Алиса в стране чудес

Хотя Ницше окрестил себя «первым психологом» и не без оснований, психолог, пытающийся сколько-либо систематизировать его психологические взгляды, оказывается перед трудным выбором: изобилие отменного материала не позволяет ему остано-

виться - от каждого наугад прочитанного предложения почти произвольно тянутся нити в различные проблемы, отрасли или школы психологии. Тончайший психолог и душевед, разбросавший в своих трудах бесценные прозрения в познание психических функций (сознания, мыш-

ления, ощущения и т.д.), психологии личности, психологии масс, психологии развития, психологических проблем аксиологии, религии, истории и даже методологических проблем психологии. Психолог любого направления может почерпнуть идеи для своей области, но уже только на основании того, что, как заметил Цвейг, «каждому “нет” он противопоставляет “да”, каждому “да” — властное “нет”», т.е. путем выявления “неуравновешенных противоположностей” текстов Ницше (а психика функционирует именно на основе данного принципа), при желании, можно плодотворно расширить категориальный аппарат психологии. Но лучшим поучающим экспериментом в области психологии представляет он сам.

Мы не будем обращаться к Ницше, который восхищается греками, считает своим наставником Шопенгауэра и называет Вагнера Юпитером, который призывает «все заблуждения отвергнув, Творца познать в себе спешить», к Ницше, который в своем мышлении страстно предан истине, в воле неистово ищет честности, благородства, а более всего — свободы: «Мой парус — мысль моя, а кормчий — дух свободный, \\ И гордо мой корабль плывет по лону вод, \\ И голос совести, стихии благородной, \\ Спасет, спасет меня: я с силою природной \\ Один иду на бой, и океан ревет»... («Воля»).

Мы попытаемся проследить некоторые из гениальных предвидений Ницше, а также вникнуть в психологию заболевшего Ницше до того, как произошел трагический дебют (случай на улице в связи лошадью), повлекший развал его личности, Ницше, которому стали ненавистны свет и вершины собственного сверхсознания, и поэтому (свято место пусто не бывает) оказался родственен мрак низшего бессознательного, для выхода из которого ему не хватило душевных сил. Не хватило, потому что слишком большая была амплитуда их раскачки, слишком страстно желал он свободы от общепринятой морали, слишком сильна была боль «за дальнего», которая, в конечном счете, есть ничто иное как боль «за ближнего», потому что если боль за «ближнего» входит в круг эгоистического интереса («ближний»), если он не окончательная нелюдь, всегда найдет способ отблагодарить за боль, а значит, налицо форма психологической выгоды для болеющего за него), тогда как боль за «дальнего» выходит из круга выгоды и приобретает «легкую поступь». «Добродетели наши, — пишет он в «Веселой науке», — должны иметь легкие ноги, словно Гомера стихи, приходить и тотчас *уходить!*». Чуваясь тяжести добродетели, Ницше не позволял «ближнему» себя любить, по крайней мере не делал для этого ничего и даже делал противоположное, из-за чего легко прослыл индивидуалистом и аскетом, неким гением-изгоем, как сказали бы бихевиористы, крайне дезадаптированным.

«Все худшие инстинкты человека — ненависть, гнев, жестокость, непокорство, жажда мести

— облагораживаются и освящаются, — пишет С. Франк, — если импульсом к ним служит “любовь к дальнему”, точнее говоря, во всех этих чувствах характерна именно их эгоистическая, анти-моральная природа, и когда эту последнюю заменяет моральное побуждение любви к дальнему, они обращаются в свою собственную противоположность. Когда страсти человека основаны на моральных импульсах, его гнев становится негодованием, жажда мести — стремлением к восстановлению поруганной справедливости, ненависть — нетерпимостью к злу, жестокость — суровостью убежденного человека» (1). Подобный моральный «реверс» не был прощен «ближними» и до сих пор не прощен всевозможными «дальними». Более того, современность в лице, например, создателей и практиков НЛП совершила возвратное превращение: техника рефреминга отменяет всякий интерес даже к «ближнему» (о «дальнем» говорить не приходится). «Только ты достоин успеха, благоденствия и счастья, мы переформируем твою боль и страдания за другого так, что ты станешь в отношении них форменным манкуртом!» — вещают нлписты и добиваются эффекта. Если ницшеанская любовь к «дальнему» есть уже очищенная любовь к ближнему, ради которой он и отмечает обычную, непосредственную и «слишком человеческую» любовь к ближнему, то современность уничтожила любовь к дальнему и загрязнила любовь к ближнему всем мыслимым мусором — от рафинированной психологической выгоды до откровенного хищничества власть придержащего: «все только мне, моей семье и лояльному мне клану».

В итоге, голос Ницше, как глашатай непорочной любви к «дальнему», оказался гласом вопиющего в пустыне. Мир в лице обывателя, олигарха, политика, полит- и психо-технолога каждый час клянется в любви к ближнему, марая этой любовью мир, не подозревая, что только любовь к дальнему очищает его от непомерно разросшегося эгоизма и индивидуализма, в которых обвинялся и еще обвиняется Ницше. Надвигающаяся болезнь приоткрыла ему тайны низшего бессознательного, и ужаснувшись, он поспешил предупредить мир о разрушительной особенности любви к ближнему, презревшей любовь к дальнему, на что мир отозвался тотальной любовью к «ближнему» со всеми нечистоплотными спутниками таковой «любви». О том, что эта нечистоплотность расцвела пышным цветом, с оскорбительной откровенностью свидетельствуют хотя бы социальные, политические, экономические, образовательные, культурные и межличностные отношения в современной Армении.

Ницше объявляет *guerre mortelle* — войну на уничтожение всему нечестному и физически нечистоплотному: «Самую глубокую пропасть между двумя людьми, — пишет он, — образует различное понимание чистоплотности» (даже остро больным, в состоянии абсолютного разва-

ла личности, он наслаждается и улыбается при купании). Столетие с четвертью спустя нечестность расцвела пышным цветом, а человечество, не считая исключений, разделилось на два враждебных лагеря: тех, кто принял эту нечестность как модус существования и тех, кто, питаясь из истощившего себя источника традиций прошлого, яростно ненавидит первых. Сам же Ницше ненавидит их обоих: «Ненавистны мне все, для которых есть только один выбор: быть злыми зверями или злыми укротителями зверей; близ таких людей я не стал бы строить себе хижину» (2). «Злые укротители» озверевших олигархов, коррумпированных судей, обнаглевших церковников, карманных воров, возомнивших себя правителями, угорелых чиновников, профессоров «кислых щей» и прочей нечисти, при условии, если они отличаются от «злых зверей» только выцветшими и застывшими нормами и ценностями прошлого, мало в чем превосходят «зверей», а если быть по-ницшеански честными, даже ниже этих зверей. В той же честности «звери» опережают «укротителей», потому что получившим свободу «зверям» действительно невдомек, почему они должны действовать под диктат общепризнанной морали, остановиться в воровстве и насилии, если в собственной душе они не могут найти достаточных оснований для человеколюбивой мотивации, в то время как практичность противоположной мотивации доказывается с каждым прожитым днем: лизоблудствуй, чтобы получить должность, обмани, чтобы стать богатым, предай, чтобы быть успешным, спихни слабого твердой ногой и не только не будешь мучим угрызениями совести, но и приобретешь кучу наслаждений. Жизнь доказывает универсальность принципа «все дозволено», а конкуренция, основанная на социальном дарвинизме, дает свои плоды. Пока «звери» вкушают эти плоды, «укротители», вооружившись старой и общедоступной моралью и ненавистью, балансируют между мечтой о «крови» зверей и основанным на глубинном понимании современных процессов благородным гневом, разница между которыми определяется шириной с волос.

Но факт также другое: развитая до упора конкуренция и имморализм превращает совместное проживание людей в абсурд, после чего человек начинает смутно подозревать, что социальность, общность, взаимопомощь и эмпатия также, если не единственно, могут быть рациональными и практичными. Последнее Ницше не высказал прямо, но подвел пути к пониманию этого. Он настолько пророчески предрек грядущую дегуманизацию, настолько категорично объявил себя имморалистом, что побудил к противоположной интенции своего «похода против морали», которая, будучи высказанной, звучала бы следующим образом: *«Скорей бы имморализм достиг своего абсурдного предела, чтобы наконец все убедились в его несостоятельности!»* «Этой книгой начи-

нается мой поход против морали, - пишет он в «Ессе Номо», не то, чтобы в ней, хотя бы едва чувствовался запах пороха — скорее в ней распознают совсем другие, и гораздо более нежные запахи, особенно если предположить некоторую тонкость ноздрей» (3). «Тонкость ноздрей» предполагает за смрадом нечистоплотности и аморальности уловить благоухание преподанной тоски по чистоте и морали, но мир услышал только зловоние «пороха» - взаимного физического и психологического уничтожения и поглощения.

Также другим своим положением Ф.Ницше пророчески вторгся в современность. Впервые громко заявив «переоценке всех ценностей», он предрек возмутительное смешение всех понятий и методичное вымывание из сознания современного человека различий между добром и злом, безобразным и прекрасным, мужским и женским нормальным и патологическим. Пример: британский полицейский, написавший на своей частной facebook страничке о том, что он считает нормальной семью, созданную мужчиной и женщиной, был обвинен в гомофобии и был вынужден извиниться. Тотальная, неразборчивая и размазанная толерантность маскирует цинизм отношения современного человека к ценностям самим по себе, и речь идет уже не о аксиологичности или антиаксиологичности, но о форменном сумасбродстве. Другой пример: преподавательницу русского языка в одном из американских университетов, обвинили в дискриминации, когда она в качестве примера сложно-подчиненного предложения продиктовала: «Юноши вышли на улицу, чтобы поглядеть на красивых девушек». «Как же, - сказали ей, - вы оскорбляете некрасивых девушек, и они могут обидеться!» И это все на фоне полнейшей дегуманизации в политике, образовании, армии, на фоне расцвета немотивированного насилия, педофилии и полнейшего уничтожения субъекта и объекта какого-либо почитания. В работе «Злая мудрость» Ницше недвусмысленно указывает на это: *«Через почитание «страсти» становятся добродетелями. А добро и зло отличаются друг от друга иерархией страстей и господством целей»* (4). Но не это различающее добро и зло положение Ницше исполнилось, а другое: «быть по ту сторону добра и зла», как не исполнилось начальное библейское напутствие «змея»: «откроются глаза ваши, и вы будете как боги и знающие добро и зло». Зато исполняется противоположное: «закроются глаза ваши, будете как звери и не различите добро и зло»*. Уже из осознания этого превраще-

* Если первое, Люциферическое грехопадение, принесло человечеству познание добра и зла - "Вы будете, как боги, и будете различать добро и зло", - второе Ариманическое грехопадение, затуманивает человеку это познание и рождает моральную слепоту, которую Р. Штейнер называл "моральным безумием": вы будете, как животные и не будете знать, что такое добро и зло. (И. Тауц, «Вторжение сатанинского Вопросы национал - социализма в свете оккультизма», <http://bdn-steiner.ru>)

ния логично заключить к тому, что против рода человеческого одновременно восстают не одна, а две «змеи», каждая из которых ведет человека в противоположные стороны, и, невзирая на резкую полярность интенционального вектора этих двух («будете как боги» и «будете как звери»), они совпадают в главном: оба ведут человека к деградации и гибели.

Обесценивание тысячелетних европейских ценностей, считает Ницше, должно произойти вследствие изымания, на манер ризоматической логики, самой стержневой ориентации на истину: «...не исключена, к сожалению, возможность, что эта эпоха будет страдать недостатком строгой и возвышенной справедливости, короче — отсутствием благороднейшей сердцевины так называемого инстинкта истины» (5). Не последней причиной такого (уже окончательно наступившего) грядущего он видит в потере здорового инстинкта, позволяющего разбираться в явлениях. Тема развивается на примере расколотости духа немецкого народа между содержанием и формой, при которой «форма является лишь простой условностью, маской и притворством», влекущей за собой «нечувствительность к проявлениям варварства», «привычку относиться к действительным вещам несерьезно», а также «пассивность и индифферентность» (6). В погоне за формой «само содержание, которое, согласно предположению ничем не проявляется вовне, может при случае совершенно улетучиться, а между тем отсутствие его снаружи совершенно не было бы заметно, как незаметно было раньше его присутствие» (7). Более точно невозможно спрогнозировать: спустя сто с лишним лет в погоне за демократией, правами человека и в пылу противостояния тоталитаризму почти окончательно «выплеснуто» содержание, которое для сегодняшней Европы из всех сил пытаются подставить неевропейцы. Великий европейский взгляд сужается по мере, с одной стороны, веяния американизма, а с другой, — расширения мультикультурального тела, чему вторит различно понимаемая этимология слова (*Europi*, греч. широкий взгляд) — *eurus* οφ, но связывается также с корнем *ehr-* в слове *hebrew* — *евреи* или *eur-* *evrei* итальян. и *arb-* обозначает «араб»). «Мы, *добрые европейцы* и свободные, *очень* свободные умы», — иронизирует Ницше, и сегодня ясно, настолько «очень», ибо доброта шагнула в размазанность, а свобода — в разнузданность. О.И. Реснер, анализируя положение дел в Норвегии после трагедии на острове Утойя, «когда лишь *один* человек, убийца, оказался способным перевернуть счастье с ног на голову», за фасадом картины (тонны живых роз в память жертвам, идущие рядами поющие люди, включая членов правительства вместе с королевским семейством, выступления популярных артистов и пр.) видит совершенно иное: «людей сгоняет с толпы *страх* — страх перед внезапно обнажив-

шейся *истиной*». «Благодепствующая патологическая нормальность» (К.Скаген) огораживается от реального мира формой, с которой без конца возятся и которая не имеет ничего общего с содержанием. Чего стоит, например, возня с буквенным обозначением слова «демократия»? «Важно помнить, — продолжает О.И. Реснер, — мы имеем дело как раз с *демократией*, с ее *законным противодействием* знанию истинного положения дел. В чем же тогда ее, демократии, суть? А суть эта в *эгоизме* уменьшенного до повседневной функциональности "я", прячущегося за точно такое же соседское, маленькое "я". Суть демократии — в нагромождении внешне неодолимых препятствий на пути индивида к его большому, вечному Я. Демократия не есть «власть народа», а «демократические права» ограничивают каждого лишь его внешней ролью. И сама святая святых демократии, *свобода* слова, отворачивается, собственно, от свободы, попросту не зная, где ее искать. Тогда прекращаются и сами поиски, уступая натиску стереотипа и нормы. Нормальная, вполне нормальная демократическая Норвегия. Среди прочно укоренившихся среди норвежцев стереотипов общения выделяется привычка отвечать на вопрос "как дела" исключительно "как нельзя лучше". Если ответить, например, что "дела идут из рук вон плохо", это будет воспринято как *крайний негативизм*, как нечто враждебное обществу и собеседнику, как своего рода вызов повседневности. Для сравнения: в Северной Корее официально запрещено плохо отзываться даже о погоде. Вопрос недоумевающего: как насчет демократического «плюрализма мнений»? А так, что *мнение* как таковое *мешает* «общему ходу дел». На практике «мнение» давно уже отменено, есть только «сообщения», ставящие индивида «в известность» (8). Интересно, как на примере требования не говорить о плохом или проблемном, сращиваются оголтелый тоталитаризм и фасадная демократия. Просто в одном случае это требование преподносится милитаристически, в другом мягко-неформально.

Примеров того, как, уступая «стереотипу и норме», форма сглатывает содержание, — уйма, условный и «общий ход дел» вытеснил жизненный дух и дух жизни. «Я удостоверяю здесь определенно, — пишет Ницше, — что то единство, к которому мы стремимся, и стремимся с большой страстностью, чем к политическому объединению, есть немецкое единство, единство немецкого духа и жизни, основанное на устранении противоположности между формой и содержанием, внутренним миром и условностью» (9). Глубокие и обширные умы столетия, — считает он, — Наполеон, Гете, Бетховен, Стендаль, Гейне, Шопенгауэр и даже не понимавший сам себя Вагнер, — стремились подготовить путь для этого синтеза. В чем же видит Ницше путь достижения синтеза? Определенно не в поли-

тике – его отношение к сильным мира сего и различным политическим концептам известно: «Как только люди пытаются понять друг друга и объединиться для общего дела, они оказываются в плену безумных универсальных концептов, собственно, даже самих звуков языка, и, вследствие этой невозможности для них передать друг другу свои мысли, все, что они делают вместе, несет на себе печать этого взаимного непонимания, отвечая не их реальным нуждам, а только бессодержательности тиранизирующих слов и понятий; так что ко всем прочим страданиям человечества добавляется страдание от *условности*, иными словами, от общей согласованности в словах и поступках при несогласованности в чувствах» (10)*. Сегодняшние реалии свидетельствуют: политики навязывают обществам в целом и индивиду в отдельности «общую несогласованность» мыслей, слов, поступков и чувств, иначе говоря, иррадируют шизофрению.

Вовсе не презрительное («последний антиполитический немец», но с которого «начинается на земле большая политика»), а доверительное отношение испытывал он к образованности (в настоящем смысле слова, а не в смысле «филлистера образования») и образованию, затвердевшую систему которого пытался оживить так, чтобы органически сливались форма и содержание. В письме к Ричлю он сообщает о том, что готовит меморандум для представления канцлеру Германии Бисмарку, поскольку «позорным образом» была упущена возможность создать институты, которые могли бы послужить основанием для возрождения немецкой культуры (в частности, имелась в виду возможность основать по всем статьям новый университет в Страсбурге). Он даже считает, что его проекту могут оказать содействие доминирующие политические силы Германии, несмотря на то, что высшие учебные заведения Германии, вместо того, чтобы служить интересам науки, по сути служат интересам государства. Однако, как замечает В. Каплун, он «ни словом не упоминает ни о системе административного управления учебными заведениями, ни о конкретной методике преподавания, ни о выборе конкретных учебных дисциплин или расписании. Сам жанр лекций должен меньше всего напоминать жанр академического доклада. Университетская культура, к которой принадлежит в этот период сам Ницше, предполагает среди прочего использование строго определенного языка, определенных средств выражения и коммуникации, которые Ницше не по душе, и он

пытается трансформировать эту культуру изнутри: «Как возможно бороться с академическим педантизмом, претендующим на роль хранителя классической культуры, а на деле иссушающим ее и превращающим в ложную культуру, как возможно противопоставить декоративной академической культуре подлинную классическую культуру, если тебе приходится пользоваться теми же самыми принятыми в университетской среде средствами выражения и коммуникации? Во-первых, подлинное образование не должно рассматриваться как *средство*, обеспечивающее последующее достижение утилитарных целей; наоборот, оно само является целью и должно рассматриваться как *самодовлеющая ценность*, по отношению к которой все остальное служит только средством; во-вторых, оно является подлинным, потому что соответствует «вечным и неизменным намерениям природы» (11). Вот почему осуществление его *возможно*, несмотря на мощную противоестественную тенденцию, характерную для существующей системы образования. Не продолжая тему, отметим, что идеальная «самодовлеющая ценность» образования трансформировалась в самодавящую материальную ценность любой ценой, подлинность – в искусственность, а «вечные и неизменные намерения природы» – в сиюминутные и переменчивые намерения чиновников от образования, действующих себе на потребу. И это отнюдь не «овидиево превращение» последней четверти века – к этому методически шли последние четыре века.

Список предчувствий и предвидений Ницше можно продолжить (чего стоит, например, фраза: «Меня поймут после европейской войны»), однако вся серьезность мировой ситуации постигается посредством еще одного предвидения Ницше, но уже в виде целой пророческой книги под названием «Антихрист», о которой неуместно говорить без ссылки на болезнь автора. Работа завершена (1888 г.) за год до манифеста болезни («*Dementia praecox*» или шизофрении), т.е. написана из «темных чрев» латентного периода. Об исполнении пророчества относительно окончательного «*decadence* Бога, равно как и черта» говорить не приходится – под неусыпным патронтажем «церкви Христа» от христианства остался разве что, по выражению чешки Л. Прохазковой, «Христос в качестве логотипа», а черта современные люди не видят в упор, потому что все еще представляют его рогатым и хвостатым**.

* Один из парадоксов Ницше: глубоко переживший хотя бы одну эту идею принципиальной важности внутренней согласованности между основными силами психической жизни, не должен был заболеть болезнью рассогласованности между ними никогда. Его *usus* – гениальные инспирации в отношении психологической и психической патологии, *casus* – полнейшая глухота, болезнь.

** Л. Андреев, дотошно изучивший лабораторию этого господина, довел до нас его любезное уведомление: «Я мог бы сочинить тебе одну из тех смешных историй о рогатых и волосатых чертях, которые так любезны твоему скудному воображению, но ты имеешь их уже достаточно, и Я не хочу тебе лгать так грубо и так плоско. Я солгу тебе где-нибудь в другом месте, где ты ничего не ждешь, и это будет интереснее для нас обоих» («Дневник сатаны»).

Если Ф.Ницше пожелал своему читателю «хороших челюстей и доброго желудка» (12), то для прочтения именно этой книги оговоренные в предисловии условия были следующими: «надо быть честным в интеллектуальных вещах до жестокости», надо иметь: «привычку жить в горах и видеть *под* собой жалкую болтовню современной политики и национального эгоизма», «мужество к *запретному*», «опыт из семи одиночеств», «новые уши, глаза, новую совесть» и «презрение к человечеству». Последнее, впрочем, было важным для прочтения и других книг. «Этот век любит ум, – читаем мы в «Веселой науке», – он любит нас и нуждается в нас, даже если нам пришлось дать ему понять, что мы художники по части презрения; что при каждом общении с людьми нас знобит» (13). Помимо выраженного презрения, в этих словах заключено самое средоточие феноменологии болезни – «ум», который любит этот век и не разделяет эту любовь с двумя другими фундаментальными силами психики – переживанием и волей. По всем наблюдениям, у современного человека эти силы постепенно атрофируются (в одном из наших экспериментов большинство детей рисовало человека в виде головы с рудиментарными конечностями и без туловища). Если для заболевшего Ницше стал важен исключительно ум или интеллект, по по логике внутренней картины болезни (условно назовем ее шизофренией*) он может сочетаться или с сензитивным презрением («знобит»), или с эмоциональной тупостью (феномен «стекла и дерева»). В этом Ницше не одинок. Из психики каждого больного с таким диагнозом, прежде всего, вымывается едва ли не самая главная способность – способность любить. Один наш пациент искренне недоумевал: «Умом я понимаю, что надо любить свою мать, но что это такое, я не знаю». Чрезвычайно симптоматично выразился однажды другой пациент: «Голову и то, что ниже пояса ощущаю, а что в середине – не ощущается, тут нет ничего, пустота». «Пустое сердце» – так можно назвать эту болезнь, при которой одновременно с началом эндогенизации и сумасбродства без следа вымывается содержание переживаний, оставляя тиранизирующий интеллект со своей железной логикой наедине с неконтролируемой волей.

Но Ницше – случай особый также в отношении назревающего процесса болезни. Душа его до боли была наполнена любовью («О душа моя, теперь нет души, которая была бы любвеобильнее тебя»). Он любил мир и все в мире; из

всех видов любви у Ницше было, пожалуй, невероятно брезгливое отношение только к любви к стяжательству. Все остальное удостаивалось живейшего интереса и любви, и эту громадную, не уместящуюся в рамки психики любовь он переплавлял единственно в познание. Вся его преморбидная жизнь была как бы возгласом умирающего Гете: «Больше света!», потому что познание доставляло ему свет, без которого не смог бы существовать физически. Сравним это отношение к миру с центральным афоризмом философа Эмиля Чорана: «Этот мир не заслуживает быть познанным» (14). Ницше ощущал абсолютно наоборот: все в этом мире достойно и подвластно самому неумолимому познанию, и прежде всего, он сам. Он – уникальный «самопознаватель» вплоть до «палача самому себе», отвергнувший в самопознании вину и стыд, потому что идиосинкратически не терпел осознаваемую или неосознанную фарсовость морали. Но обычный человек и не смог бы взвалить на себя всю тяжесть познания – «я страдаю всем существом и от всего существующего». Вот почему, как говорили алхимики, «сосуд разбился, Меркурий сбежал, магистр сошел с ума». Сосуд – тело, которое Ницше удостаивал уважения и защищал от высокомерности иных фарисеев и позеров, ратующих за «душевность» и «духовность».

Болезнью своей он доказал свое собственное положение о том, что «в теле больше разума, чем в высшей мудрости». Об этом говорит только «пробудившийся и знающий: я – тело, только тело и ничего больше; а душа есть только слово для чего-то в теле. ...Я не следую вашим путем, вы, презирающие тело! Для меня вы не мост, ведущий к сверхчеловеку! ...За твоими мыслями и чувствами, брат мой, стоит более могущественный повелитель, неведомый мудрец, – он называется *Само*. В твоём теле он живет; он и есть твоё тело» (15). Но если тело как физический инструмент становится неспособным удерживать душевное содержание (слово) и вмещать целостность («Само»), в организме начинается эндогенный процесс, нарушающий единство природы и духа – «тела и того, что в теле». И неважно, что психиатры и клинические психологи приходят в настоящее отчаяние от того, что не могут обнаружить конкретные органно-функциональные маркеры эндогенного процесса (впрочем, сейчас все больше раздается голосов в пользу случайно обнаруженной почечной или надпочечной дисфункции, что доказывается снижением продуктивной симптоматики шизофрении при гемодиализе, а также присутствием негативной симптоматики шизофрении у больных с почечной недостаточностью). Эндогенезация и есть психоз, при котором теряется «Я», а «Я», по Ницше, есть тело: «Я говоришь ты и гордишься этим словом. Но больше его – во что не хочешь ты верить – тело твоё с большим разумом: оно не

* Причину болезни Ницше находили во вредном воздействии хлора на функции мозга, наследственности, сифилитической инфекции, опухоли мозга, аутизме (школе он держался отчужденно, был замкнутый и неразговорчивый), запоздалом развитии (первое слово он произнес в 2,5 года), длительных (до 1,5 года) головных болях неизвестного генеза и пр. Нас, прежде всего, интересуют особенности мышления Ницше с точки зрения психопатологии.

говорит Я, но делает Я» (16). Иначе, именно тело творит «Я», и если с телом что-то неладное, «Я», как управленец между тремя основными силами души — мышлением, чувством и волей, перестает выполнять свою функцию, а поскольку «свято место пусто не бывает», место «Я» занимают «другой», вне зависимости от того, осознает ли это заболевший или нет. Если осознает, — налицо синдром психотической деперсонализации, если нет, — так видит это посвященный Р.Штайнер — его рукой без его ведома водит другое существо, как это случилось при написании «Антихриста».

Хотя биографы не имеют единого мнения по поводу наследственно отягощенной склонности к эндогении (неясно, умер ли отец Ницше от «размягчения мозга» или от органической травмы при падении), именно при эндогенном процессе «Я» саморетируется, чувство больше не оживляет мышление, вырвавшийся в фарватер рассудок не может плодоносить, и познание без сердца превращается в яд. «Сердце» Ницше болело до невозможности, и, перегорев, отказалось служить, чего нельзя сказать об уме, который обострился в тысячи раз (именно в этот период написан «Антихрист»), после чего, отдавшись попечительству одного ума, он повредился, отомстив вскоре сенсационным психотическим дебютом. Поврежденный ум означает расщепленный ум, при котором мучительные противоположности, лингвистически и стилистически прекрасно согласуемые до болезни («с одной стороны..., а с другой...», «но...», «противоречит...», «обособляется от...», «может быть»... и пр.), размыкаются и идут автономными путями. Тогда противоположности не противопоставляются вообще, а сближаются вплоть до слияния или отдаляются вплоть до «разорванности идеи», раздирая и комкая мысленную ткань до степени неразличения всего со всем. Однажды, еще до болезни, он усомнился даже в существовании самих противоположностей: «При всей ценности, какая может подходить истинному, правдивому, бескорыстному, все же возможно, что иллюзии, воля к обману, своекорыстию и вожделению должна быть приписана более высокая и более неоспоримая ценность для всей жизни. Возможно даже, что и сама ценность этих хороших и почитаемых вещей заключается как раз в том, что они состоят в фатальном родстве с этими дурными, мнимо противоположными вещами, связаны, сплочены, может быть даже тождественны с ними по существу. Может Быть!»* (17).

* В продолжение цитаты, указывающей, что и здесь Ницше оказывается пророком: «Но кому охота тревожить себя такими опасными «может быть»? Для этого нужно выжидать появления новой породы философов, таких, которые имели бы какой-либо иной, обратный вкус и склонности, нежели прежние, — философов опасного «может быть» во всех смыслах. И, говоря совершенно серьезно, я вижу появления таких философов». Этот «сорняк» вырос не только на почве философии, но и истории, психологии и даже психиатрии. Чего стоит, например, «солидные» дискуссии классификаторов психических болезней, которые хотят протащить в патологию элементарную человеческую застенчивость.

Ведь исходный метод познания философа — «*de omnibus dubitandum*» — все подвергать сомнению. Сомнение, в отличие от тревожной мнительности, — считал русский психиатр И. А. Сикорский, — есть «одно из глубоких органических процессов духа». Но оно может приводить процесс познания как к мертвящему скептицизму, так и к оживляющему парадоксу, от которого один шаг до синтеза. Изданная еще в 1661 г. книга Р.Бойля так и называлась: «Химик-скептик. Физико-химические сомнения и парадоксы». Сомнения и парадоксы, — считал В.Ф.Одоевский — являются неперменным условием нового в двух областях — науке и патологии. «Открытия, как и сумашествие, возбуждают сомнения, — писал он за год до рождения Ницше, — и нужно пожертвовать тысячами понятий, общепринятых и кажущихся справедливыми». В сумасшедшем «частная сила одной какой-то мысли втягивает в себя все сродственное этой мысли из всего мира, и он получает способность, так сказать отрывать части от предметов, тесно соединенных между собой для здорового человека, и сосредотачивать их в какой-то символ» (18). Добавим: если этот символ впоследствии не теряет подвижности и не превращается в сверхценную идею, которая не в состоянии находить связи с другими идеями. Именно эти широкие связи без вреда для мышления и опасности паранойи выводят из «мрака сомнений».

«Болезнью сомнения», еще со времен врача Фелика Платера (1614 г.), по иронии судьбы профессора Базельского университета, считался невроз навязчивостей, или, согласно последней классификации, обсессивно-компульсивное расстройство. Но не это было болезнью Ницше по двум соображениям. Во-первых, больные этим расстройством осознают, что мучающие их сомнения нелепы и хотят от этого избавиться, здесь же больной еще более углубляется в познание, несущее ему сомнение. Во-вторых, в центре психики такого больного его собственная личность со страхами и тревогами, в частности, по поводу того, что скажут о нем другие (перфекционизм обсессивно-компульсивного расстройства)** . Вряд ли это касалось бы человека, который всецело жил в мире мыслей, испытывал презрение к славе, имел желание остаться непрочитанным, даже не читал газет, «чтобы не отвлекаться на мирскую суету», у которого никогда не было «времени на себя» и которому было не до себя. Разве будет до себя тому, кто верит, что «судьба человечества в его руках»?

Перманентные сомнения Ницше имели другую, здоровую подоплеку — не стагнировать, не остановиться, не умертвить, не сформулировать раз и навсегда, не убедиться, не влить живое в клише системы («убеждения — для истины

** Характерный штрих: когда Ницше приехал в Венецию весной 1885 года, он носил белые короткие льняные брюки и черный пиджак; он был необычайно далек от реального мира, чтобы его волновало мнение окружающих» (Т. Гомес, Фридрих Ницше, пер. с исп., М., «АСТ», Москва, 2006, стр. 137–138)

враги более опасные, чем ложь», «не сомнение, а несомненность есть то, что сводит с ума»). Как говорил адмирал Грейс Хоппер: «Жизнь была проще перед войной. После этого у нас появились системы» (19). Творчество Ницше – предельно сконденсированные содержания, которым чудом удавалось не застыть в окончательной форме, но заново оформляться на глазах. Причем, это – не релятивизм и «ризомы», в тенетах которых ничего не разобрать и нечего дифференцировать, поскольку материал, из которого пытаются лепить, заранее превращен в жижу. Но это и не система, при которой застывший материал не допускает альтернативы. Проташенные из психологии мышления в мораль эти два уродства отражаются в социальном воспроизводством одних тупиков. Мы видим в мышлении Ницше точное равновесие между скачкой идей и персеверацией, убеждением и противоположным убеждением, сомнением и уверенностью «громовержца», и в этом пункте у него можно определить отменное здоровье. Но он здоров по-гениальному, т.е. не только нормален в среднестатистическом раскладе, а сверхнормален в отношении хотя бы яркости «бокового», нестереотипного мышления, или, например, умения одновременно конденсировать («сказать в десяти предложениях то, что всякий другой говорит в целой книге и чего всякий другой не скажет в целой книге») и широко экстраполировать мысль – от истории к философии, от психологии к естествознанию, от в филологии к мифологии и т.д.

Что касается разорванности идей и мегаломанического бреда, то он возник в дементном периоде, наряду с дезориентировкой во времени и пространстве (иногда он полагал, что в Наумбурге, иногда – в Турине), психотическим шубом, деперсонализацией (Распятый, Дионис и пр.). О шизофреническом процессе свидетельствуют также дурашливо-гебефренические вкрапления, эпизоды катотонического синтонно-синхронного поведения (рычание и крик, по свидетельству очевидцев, сменялись полной прострацией и обездвиженностью), бессонница, бред, постоянное возбуждение и чудовищный аппетит. Но были здесь и элементы биполярного расстройства: эйфория перемежалась с подавленностью, избыток жизненных сил с ипохондрически-изнуряющим спадом, жизнеутверждающая устремленность в будущее с фиксацией на прошлое и историю, оптимизм с суицидальными мыслями. «Существование стало для меня мучительным бременем, – пишет он, – и я давно покончил бы с ним, если терзающий меня недуг и необходимость ограничивать себя решительно во всем не давали мне материала для самых поучительных экспериментов и наблюдений» (20). Психиатрами и клиническими психологами, насколько нам известно, не описан ни один случай больного шизофренией,

отказавшегося от суицида ради естественнотучных «наблюдений над сферой нашего духа и нравственности». В этом смысле он не только «первый психолог», как сам себя называет, но и «последний». В статье «Философия Ницше в свете нашего опыта» Т.Манн пишет об этом со всей определенностью: «Он был рожден, чтобы стать психологом, и психология была его доминирующей страстью; в сущности, познание и психология у него одна и та же страсть, и ничто так не свидетельствует о внутренней противоречивости этой великой и страждущей души, всегда ставившей жизнь выше науки, как ее самозабвенная, беззаветная приверженность к психологии».

Очевидно, при попытках диагностировать болезнь Ницше следует определять симптом в каждом конкретном жизненном или «мыслительном» случае отдельно. Так, в приведенном выше случае Ницше действует не только как здоровый, а как сверхздоровый, превозмогший суицидальную мысль ради психологического наблюдения, однако разработка идеи «возвращения единообразного» сопровождается крайней тревожностью («Я не хочу начинать жизнь сначала. Откуда нашлись бы у меня силы вынести это?»). Он даже находится в шаге от синдрома «сделанности» или «подстроенности», но не с обычным радикалом бредообразования «нестественности» своих мыслей, а в пункте «сделанности» окружающего мира – все как бы *нарочно* устроено так, чтобы по исчерпанию всех комбинаций возвращалось снова и в том же виде. Иначе, рассуждения его приближаются, но не доходят до психического автоматизма Кандинского-Клерамбо (как, впрочем, и мысли его не доходят до идеи перевоплощения, древняя форма которой для него не годилась, а новая не складывалась «по уму и сердцу», поэтому манила и отталкивала одновременно). По части бреда диагноз сближается с парафреническим вариантом параноидной шизофрении (на него засматриваются и восхищаются женщины), но без остальных симптомов бредового регистра, например, без уплощения аффекта и доминирования галлюцинаций (мы так и не выяснили тематику этих видений).

Еще более удивительно, что у Ницше совершенно неопределимы преморбидные признаки шизофрении: аутизм, шизоидно-холодное отношение к другому, отчуждение и «матовость» в восприятии окружения. Наоборот, он отличался «бешеной, демонической чувствительностью» (С.Цвейг), крайней эго-включенностью и активным вчувствованием в другого: «я подтверждаю – физиологически чувю... «потроха» всякой души» (21). Скорее это походит на «отсутствие кожи» у личности истерического профиля. В пользу этого говорит также нетерпеливое желание славы, которая пришла в предверии болезни, а постоянные мигрени и

тошнота могли бы рассматриваться как пролонгированные конверсионные расстройства. По крайней мере, о негативной симптоматике шизофрении в пункте эмоциональной тупости говорить не приходится. Как видно, клиника болезни нетипична и представляет собой «mixed» – ни один симптомокомплекс недостаточен для диагностики установленного специалистами конкретного типа шизофрении, включая ее недифференцированную форму. Скорее, речь может идти о некоем неустановленном и уникальном шизофреноподобном состоянии, соответствующем уникальности носителя заболевания. Не менее мозаичную картину представляет проекция его личности на психопатии или личностные расстройства (по DSM-IV- R): есть здесь самовлюбленность (нарциссическое расстройство личности), взвинченность, перевозбуждение и нещадное израсходование себя (пограничное расстройство), «тирания долженствования»*, чрезвычайное посвящение себя работе и исключение досуга (ананкастное), вычурный перцептивный и когнитивный опыт (шизотипическое), паттерн пренебрежения к нормам (асоциальное), экспрессивный стиль речи и эксцентричность поведения (истериионическая). Если эта пестрота и есть клиническая картина болезни, то она выходит за рамки всех прежних и новых классификаций болезней, более того, она обесмысливает классификацию как таковую, потому что больному нет места ни в одной группе типичных симптомов.

Но что невозможно обнаружить в личности больного или здорового Ницше даже под микроскопом, это: трусливое перекалывание ответственности на другого (зависимое расстройство), действие или мысль исподтишка и втихую (избегающий тип личности), мстительность и слащавость (эпилептоидная психопатия), а также склонность к манипуляции, самообман, неверность себе, филистерство, трусость, пустота, пресность, неправдивость, тревожное выискивание угрожающих жизни смыслов, мыслительное уплощение, фарисейство, лживая стыдливость, напускная учтивость, массовый вкус, ориентир на всеобщие истины, стремление к удовольствию, комфорту или приятному, а главное – *зловалие* (параноидное расстройство). В этом смысле, невзирая на фактичность отношения Ницше к «убогим», которое требует, помимо буквального рассмотрения, обратной перспективы по его же собственному методу («имморализм» Ницше, по Т.Манну, – «это самоупражнение морали из побуждений правдивости, вызванное своеобразным избытком морали»),

* Из письма сестре 31-го марта 1888 г.: «Меня день и ночь нестерпимо мучит долг, который возложен на меня (mir gestellt ist); меня мучат также условия моей жизни, которые абсолютно не соответствуют осуществлению этого долга; очевидно, в этом обстоятельстве надо искать причину моей тоски» (Д. Галеви, «Жизнь Фридриха Ницше»).

нам представляется спорной точка зрения Юнга на «волю сердца» Ницше: «В его сердце таится импульс к уничтожению убогих, послушных и низменных, которые зовутся людьми, – ничего более презренного для Ницше не существует – это то, что должно быть преодолено. Таким образом, воля сердца, эта тайная воля к уничтожению, диктует голове, и неважно, что думает при этом голова, знающее свою цель сердце одолеет ее» (22).

Представляется, однако, что больному Ницше диктовала именно голова (однажды он даже обмолвился об Exstasis – сладострастии интеллекта)**. Даже «вечером, когда тело просит уже покоя, механизм не останавливался сразу и продолжал работать, вызывая галлюцинации, пока порошок от бессонницы не остановит его вращения насильно» (23). Так безостановочно, по воле носителя головы может работать только голова, воля же большей частью работает и без нашей воли. Именно «головой», при отключении сердца и воли, написан «Антихрист», несмотря на то, что автор его постоянно сетует на недостаток воли и потерю инстинкта: «я называю животное – род, индивидуум испорченным, когда оно теряет свои инстинкты, ...предпочитает то, что ему вредно» (24). Воля (бессознательно) или чувство (подсознательно) еще могут предпочесть то, что вредно, но рассудок – никогда. Именно его железная логика не допустит понимания апостольского слова относительно того, почему «Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых...» (Павел, 1 к Коринф). Эти слова вызывают особенное недоумение и возмущение автора «Антихриста», и чтобы опровергнуть их, он отсылает к своей «Генеalogии морали» и апеллирует ко всей науке, в частности, «хорошим филологам и врачам александрийской выучки»: «Павел хочет позорить мудрость мира; ...врач говорит (ему): «неизлечимый», филолог: «шарлатан» (25). Очевидно, что понять апостольское слово может скорее не врач или филолог, получившие образование в прозекторской и библиотеке, а одаренный даром наблюдения психолог, каким неоднократно проявлял себя автор «Антихриста», будучи не то, что в «своем уме», а в «своем сердце».

«Антихрист» есть издевка интеллекта над сохранившим тепло и свет сердцем, и интеллект *правомочен* делать это, если это – *только и единственно* интеллект, взятый в своем безраздельном самоуправстве. Христианство с ампутированным сердцем – действительно нелепость, оно «берет сторону всякого идиотизма» и «нуж-

** Этим объяснял Ницше интенсивность своих аффектов (закономерная аффективная экзальтация вследствие гиперрассудочности): «Откуда у меня эти сильные аффекты! Сегодня вечером приму столько опиума, что потеряю рассудок. Ведь у меня странным образом слишком много рассудка» (Б. Лахманн, Существовать и мыслить сквозь эпохи! Штрихи к портрету Фридриха Ницше, www.litmir.net)

дается только в больном разуме». Тут прав не только Ницше, но сам Антихрист. Более того, для человека с отсутствующим сердцем именно христианство представляет собой самое досадное препятствие к осуществлению жизненных потребностей и целей, и самое интересное, что полностью осознают это именно больные*, а выбросившие сердце на помойку так называемые «здоровые», еще прикрываются фиговым листком благочестия, временами ходят в церковь и ставят доводы морали на службу интеллекту.

Но и с ампутированным рассудком христианство есть нелепость. Именно против такого христианства страстно протестовала воля Ницше, возмущался его здоровый жизненный инстинкт, а «чувство чистоплотности» трещало по швам. Нет и не может быть чистоты, здоровья, смелости, красоты, жизнеутверждения, привилегированности, удачливости, веселости при отключенном, узком, спутанном, экзальтированном, размягченном, недисциплинированном рассудке, даже когда эта дисциплина приводит к «страданию, великому страданию». Что есть перед таким величием императивная вера? «Вера» как императив, – пишет Ницше, – есть veto против науки, in pгахі ложь во чтобы то не стало» (26). Чтобы не завязнуть в этой лжи, он выбирает статус эскападиста и крамольника, но даже в этом статусе, как отмечалось многими исследователями, он больше близок к Богу, чем те, кто верует в далекого, таинственного, никому не понятного бога, думая, что следует воле Бога. От церковников и сектантов, призывающих следовать *воле* а не *слову*, его отличает жажда познания Бога. Именно это звучит в неслышанном Ницше антисептическом и благоуханном призыве Павла: «Итак, не будьте нерассудительны, но познавайте, что есть воля Божия» (К Ефессянам 5:17). «Познавайте *«что воли»*, – говорит Павел, – но не: *«следуйте воле»*, ибо сначала познайте, что не знаете. Но как раз против следования воле без познания направлен «Антихрист». Если следовать воле с познанием трудно, то следовать без познания нелепо и невозможно, не скатившись в атеизм или религиозный инфантилизм. Но от чего-

чего, от познания Ницше не отказывается никогда! Он искал этого познания, искал честно, что называется «кровь из носу», но не находил: «...Мы не находим Бога ни в истории, ни в природе, ни за природой» (27). Просто метод познания, который был у него в наличии, был трагически недостаточен, а абстрактный Бог был ему ни к чему: «Он стал «идеалом», «чистым духом», стал «absolutum», стал «вещью в себе»...*Падение божества*: Бог стал «вещью в себе» (28). И это при условии, что «мы не имеем ни малейшего права признать какую-либо потусторонность или существование вещей в себе» («Воля к власти»). В этом ключ к разгадке отношения Ницше к Богу: непознаваемость, неисповедимость, недоступность опыту его совершенно не устраивала, еще более его не устраивал агностицизм, на который он наткнулся, познавая Бога на естественнонаучной основе. Достигнув какого-то предела, за которым естественнонаучная мысль должна продолжиться и прорваться к духу, эта мысль начинает работать вхолостую, и ей ничего не остается, как объявить «вещь в себе» причиной невозможности познания. Р.Штайнер, впервые показавший путь перехода от невозможности такого познания к возможности, говорил о необоснованности границ для духовно-научного познания и необходимости границ для естествознания. Идеи естествознания «всегда прокладывали мне путь там, где при помощи средств природопознания достигают неизбежной «границы», которую можно перейти при помощи средств духо-познания» (29).

Несмотря на сверхчеловеческие усилия, Ницше не удалось перейти границу «вещи в себе» в познании духа, найти ответ на *«чуждо-вищно-вопросительный знак»*, который зовется христианством, и самое интеллектуально-честное, что из этого могло последовать – резюмировать к идиотии духовного и кретинизму морального. Такой гротеск есть результат доведения естественно-научных познавательных исканий до упора, после чего природа не прикрыто выдает свое безразличие к вопросам морали и духа, и не находится действительность, которая смогла бы нести природное и духовно-моральное начало одновременно. «Исходя из моего духовного созерцания я могу утверждать, – пишет Р.Штайнер, – что над природными фактами и духовно-моральным существует истинная действительность, проявляющая себя морально и обладающая в то же время силой превращаться в моральном действии в свершившийся факт, достигающий того же значения, что и природные свершения. Последние кажутся в отношении к духовно-моральному безразличными лишь по той причине, что они выпали из своей первоначальной связи с ним, подобно тому, как труп

* Вспоминается случай с одним 25-летним больным паранойяльной шизофренией. Он был старший в большой семье, и единственный работающий отец едва тянул на себе ее тяготы, включая лечение сына. На все просьбы помочь ему хоть в чем-то, например, откатывать покрышки по местам (отец работал в автомобильной мастерской), сын со спокойной уверенностью непоколебимого рассудка напоминал о том, что родители обязаны содержать своих детей. Темой его бреда являлось христианство, которое, как он считал, является основной причиной человеческих страданий, поскольку препятствует тому, чтобы люди делали то, что хотели бы. Однажды, закрывшись в ванной комнате, он с удовольствием сжег библию (призыв к этому он «прочитал своими глазами, как в телевизоре»). «Я со своей стороны сделал это, – заявил он, – осталось, чтобы за мной последовали другие, и такой день наступит».

человека теряет связь с одушевленно-живым в человеке» (30). Не распознав эту связь и не сумев проследить в духовное в физическом, одновременно не переставая гнать потерявший свет рассудок, Ницше «вывалился», «выскользнул» самого себя. Оставаясь «гордым», он не позволил себе «прятать голову в песок небесных предметов», но вместе с «песком» отказался также от света, о чем предупредил прежде, чем окончательно рухнуть в психоз (в это же время он пишет «Антихриста»): «Однажды велел я тучам не жаться к моим вершинам, \\\ Однажды велел «больше света!» тьме. // Теперь я зову их обратно, // Мне «любы их темные чрева», ...«Вечер моей жизни настал!.. Солнце зашло» (из цикла «Дионисийские дифирамбы»).

«Свет — кровь природы», — говорит армянский поэт Д.Варужан, и перестань освещаться рассудочное знание, ум становится противоположным, бескровным и безжизненным. «Моей голове, кажется, по-прежнему не хватает крови» — пишет он матери в Наумбург, — последние десять лет я слишком много размышлял». Голову кровью снабжает сердце, а бескровный ум только и делает, что называет имена вещей, отправляясь от видимого. «Ум только называет имена», — замечает Э.Сведенборг, и эта ограниченность досконального знания имен без света сердца, истины или «Слова» смешивает в мозгу «составы и соки», что в конечном счете приводит к удару (в ночь на 25-е Ницше умирает от апоплексического удара). «Ибо слово Божие живо и действительно и острее всякого меча обоюдоострого: оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и судит помышления и намерения сердечные» (К евреям, 4;12).

Как-то в горле у Ницше застревает рыба кость. Задышавшись, он всю ночь тщетно пытается ее оторвать, а утром, все еще с костью в горле, записывает: «Странно, но я ощущаю избыток символики и смысла в этой физиологической мерзости». Знание, неправомерно приложенное к познанию живого духа, «застряло» у него в рассудке, и разгадай он эту символику, все могло бы пойти другим путем. Возможно, что между двумя искомыми своими — «Бог мертв!» и «Скорее бы сочельник!»* — он выбрал бы последнее, а ненавистное сострадание оказало бы ему неоценимую *познавательную* услугу. Эмпатия в смысле четкого эмпатического знания, считал К.Роджерс, есть

* «Ах, скорей бы сочельник!» Тосковать по Рождеству Фриц в своих письмах начинает с октября. ... И так из года в год. «Все страхи рассеиваются с приходом Рождества». ... «О чудный день, о кроткий день, / Услады полон и прекрасен... / Весь в блеске солнца, свеж и ясен!», — пишет он в сочельник 1860 года. В тоскливые рождественские дни, в Турине, он тронется рассудком. (Б. Лахманн, «Существовать и мыслить сквозь эпохи! Штрихи к портрету Фридриха Ницше», www.nietzsche.ru).

форма познания, но не объективно-естественнонаучного и не субъективно-психоаналитического, а мастерски гуманистического, при котором не само «сочувствие зачитывается в срам», а неспособность вникнуть посредством сочувствия в «frame of reference» другого и мира.

В сердце Ницше было достаточно благоволения для подобного познания — не позволила «честность в интеллектуальных вещах до жестокости». Но «глаз его остался» (согласно армянскому фразеологизму, означающему неосуществленное желание и неотступную тоску по чему-то несвершившемуся) на такого рода знании, подобно тому, как в смерти остался открытым его физический глаз. Когда Петер Гаст, ученик Ницше, прикрыл покойнику глаза, то правый все время открывался и так и не закрылся. О чем еще можно было тосковать человеку, отдавшему себя в жертву познанию, при полном *incuria sui* (небрежность к себе и «своему»)? Очевидно, по «Рождеству» в собственной душе, которое, в противоположность пиковому «бичеванию» христианства в «Антихристе», могло бы обернуться иным «бичеванием» — «бичеванием» как ступенью христианского посвящения. Эрнст Бертрам, член «кружка» Стефана Георга, назвал душевную болезнь Ницше «восхождением в мистическое и гордым переходом в более высокое состояние». Но «переход» этот, взамен духовного возрождения, которым могло бы увенчаться страдание и трагизм познания, дался ценой душевного обрыва, а три превращения духа, к которым призывал он устами Заратустры («верблюд», «лев» и «ребенок»), остановился на стадии израненного жестоким интеллектом льва. Что поделаешь, если надо быть бесстрашным и «честным в интеллектуальных вещах до жестокости» ради того, чтобы доработаться до свободы, но не ощутить ее вкуса в «ребенке», сознающим себя добровольным «рецептором» импульса «только одного христианина». «Я уже не называю вас рабами, ибо раб не знает, что делает господин его» (Иоан.15:15). И это было бы единственным, что не было бы охвачено, испорчено и мучимо противоположностями инвариантного мышления, единственным, что не нуждалось бы в «мудрости мира»: в обычной «учености», «науке» и «документах». «Применять научные методы там, где *отсутствуют какие-либо документы*, представляется мне с самого начала делом совершенно безнадежным, ученым праздномыслием» — пишет он в «Антихристе». Научное познание духа, однако, завершается не «мыслием», при котором мысль (гипотеза) требует подтверждения в восприятии (документах), чтобы не оказаться праздной, а мыслью (криптограммой), которая празднует свое рождение (дешифровку) в восприятии духа.

Подобное мог бы осуществить обетованный им индивид, т.е. «суверенный индивид, равный лишь самому себе, вновь преодолевший нравственность нравов, автономный, сверхнравственный индивид (ибо "автономность" и "нравственность" исключают друг друга), короче, человек собственной независимой длительной воли, смеющий обещать, - и в нем гордое, трепещущее во всех мышцах сознание того, что наконец оказалось достигнутым и воплощенным в нем, - сознание собственной мощи и свободы, чувство совершенства человека вообще» (31), если бы по части "автономности" и "нравственности" нашелся совмещающий их синтез — «этический индивидуализм» (Р.Штайнер).

Досадно близко был он к этому, но синтез не был найден, а вечное упование на «документ» не позволило вырваться из сомнения в уверенность, что, в конечном счете, привело к дементному обесмысливанию как сомнения, так и уверенности, а твердая убежденность в единственной достоверности чувственного зрения* - к зрительным галлюцинациям.

Итак, мы рассмотрели некоторые прозрения Ницше. Современный мир в ракурсе стремительного опрокидывания базовых паттернов культуры представляет собой воплощенную картину мира, которая впервые возникла в его сознании: цветет «мораль рабов — мораль полезности», любовь к «ближнему» как «добродетель маленьких людей», «иммориализм» и мораль *вообще*, безотносительно к самой морали. Наблюдается также доходящий до абсурда разрыв между формой и содержанием, отовсюду слышится пустая, вылизанная речь. «Весь мир не заодно со мной» - часто жаловался Ницше (32). Будьте спокойны, господин Ф. Ницше: в ваших худших предвидениях весь мир практически с вами! Практически как «весь» и практически как «на практике».

Что касается точного диагноза болезни Ницше, разве что он сам мог бы «посмеяться» над любыми классификаторами болезней, потому что клиническая картина представляет собой мозаичность не только в отношении ее симптоматики, но и аллопластичности болезни и тематики бреда. Не вдаваясь в психиатрические и медико-психологические тонкости, уместней было бы ограничить состояние Ницше определением «разрешившийся смертью духовный кризис», как это сделал бы непримиримый враг всех диагнозов, основатель психосинтеза Р.Ассаджоли.

Но больной или здоровый, ироничный или лиричный, благостный или мрачный, как

тогда, так и сейчас, он привлекает, будоражит, беспокоит, будит, тормозит, провоцирует, трясет, шокирует и конфузит умы, после знакомства с ним обнаруживающие себя очнувшимися от дремоты. Воспламеняя их, он порождает движение, подвижность и эластичность, подобно тому, как огонь делает железо подвластным новым формам. Есть в гештальттерапии гомологичная этому техника игры противоположных сил, наиболее эффективная при навязчивостях и механически сглотанных нормах и принципах, нацеленная на дезинфекцию экрана восприятия от всего наностного, после чего пациент даже в физическом смысле начинает свободно дышать. Вот почему стоило бы говорить не только о психопатологии Ницше, но и о *терапевтическом эффекте*, как в плане творчества, так и личности. Причем, эффект работает даже в том случае, когда читатель на уровне сознания активно отрицает и отвергает прочитанное. В терминах психоанализа происходит своеобразный трансфер: остро негодуя и проецируя на Ницше весь собственный негатив, читатель упорно возвращается к нему (как на сеансы с психоаналитику), по-новому узнавая себя и с каждым разом идентифицируя часть негатива с самим собой — в точном соответствии с еще одним прицельным предсказанием: «*Тебя пленяет говор мой, /Ты по пятам идешь за мной? / Иди-ка лучше за собой: — И будешь — тише! тише! Мой!*» (33). Происходит нечто, походящее на рассказанный Фрейдом анекдот: к умирающему страховому агенту пришел пастор. Беседа между ними длилась настолько долго, что у родственников постепенно возникла надежда, не обратился ли, в конце концов, больной перед смертью в истинную веру. Наконец, дверь комнаты распахнулась: пастор вышел застрахованным!

Иного и не следовало ожидать, потому что *интеллектуальное юродствование* Ницше вносит в психологическое поле читателя подсолнечную «застрахованность» от душевного некроза и аттрактивную свежесть, подобно тому, как при встрече потоков холодного и теплого воздуха создается воздушное движение. Еще один парадокс: будучи больным, давать импульс к здоровью. Причем не только к фактическому здоровью, а к новому оздоравливающему ориентиру человечества, путеводной звездой которого будет не размазанное «человеколюбие» прошлого (Unmensch), неотрывной обратной медалью которого является человеконенавистничество настоящего (ßbermensch), а, надеемся, всеобъемлющая человекоумудрость будущего (Mensch).

* «Мы расскажем то, что мы видим» («О пользе и вреде истории»).

ЛИТЕРАТУРА

1. С. Франк, Фридрих Ницше и этика любви к дальнему, интернет-ресурс: www.nietzsche.ru
2. Ф. Ницше, цит по: С. Франк, там же
3. Ф. Ницше, Ессе Номо, соч. в двух томах, М., 1990, изд-во «Мысль», т.1, стр. 740
4. Ф. Ницше, Злая мудрость, там же, т. 1, стр 741
5. О пользе и вреде истории для жизни, там же, т.1, стр 193
6. Ф. Ницше, там же, стр.182
7. там же, стр. 183
8. О.И. Рёснер, Народная норвежская душа в свете германского духа, 2012, www.predela.net
9. Ф. Ницше, О пользе и вреде истории для жизни, т.1, стр. 185
10. Ф. Ницше, «Рихард Вагнер в Байрейте» (четвертое «Несвоевременное размышление»), стр 28, цит. по: Трейси Б. Стронг, Философия Ницше и идея политики, В: Ницше и современная западная мысль, сборник статей под ред. В. Каплуна, СПб.; М.: Европейский университет в Санкт-Петербурге: Летний сад, 2003, 592 с. — (Европ. ун-т в Санкт-Петербурге. ф-т полит. наук и социологии; вып. 9), стр.13
11. В. Каплун, «Большая политика» Ф.Ницше и миф о Европе, В: Ницше и современная западная мысль, там же, стр. 96-153
12. Ф. Ницше, Веселая наука т.1, стр. 509
13. там же стр. 705
14. Эмиль Чоран, Соблазн разочарования, Митин журнал, вып. 56 (1998 г.), стр. 300-307, интернет-ресурс: www.aphorism-portal.info
15. Ф.Ницше, Так говорил Заратустра, О презирающих тело, т. 2, стр. 24
16. там же
17. Ф.Ницше, По ту сторону добра и зла, там же, т.2, стр.242
18. В.Ф.Одоевский, Русские ночи, Л., «Наука», 1975, стр. 25
19. цит по: Брюс Шнайер: «Секреты и ложь. Безопасность данных в цифровом мире», www.egradaran.am
20. цит по: Т.Манн, Философия Ницше в свете нашего опыта, www.nietzsche.ru
21. цит по: Р. Дж. Холлингдейл, Фридрих Ницше и трагедия неприкаянной души, www.nietzsche.ru
22. К.Г.Юнг, Семинары о Ницше, интернет-ресурс: www.castalia.ru
23. С. Цвейг, Фридрих Ницше, www.nicshe.velchel.ru
24. Ф.Ницше, Антихрист, соч. в двух томах, М., 1990, изд-во «Мысль»,
25. т. 2, стр. 635
26. там же, стр. 673
27. там же
28. там же, стр. 672
29. там же, стр. 644
30. Р.Штайнер, Мой жизненный путь, 2002, Evidentis, стр. 199-200
31. там же, стр. 178-179
32. Ф. Ницше, К генеалогии морали, Рассмотрение второе, www.lib.ru
33. Ф.Ницше, Ессе Номо, там же, т. 2, стр. 742
34. Ф. Ницше, Веселая наука, М, изд-во ЭКСМО-пресс, 1999, стр. 20

REFERENCES

1. S. Frank, Friedrich Nietzsche and ethics love far, the Internet-resource: www.nietzsche.ru
2. F. Nietzsche, citation by: S. Frank, *ibid*
3. F. Nietzsche Ecce Homo, works in two volumes, M, 1990, publishing house "Thought", vol. 1, page 740
4. F. Nietzsche, Wicked wisdom, *ibid*, so 1, page 741
5. About the advantages and disadvantages of history for life, *ibid*, vol. 1, p 193
6. F. Nietzsche, *ibid*, str
7. *ibid*, page 183
8. I. Reisner, Norwegian people's soul in the light of the German spirit, 2012, www.predela.net
9. F. Nietzsche, About the advantages and disadvantages of history for life, vol. 1, page 185
10. F. Nietzsche, "Richard Wagner in Bayreuth" (fourth "Untimely meditation)", page 28, CIT. by: Tracy B. strong, Nietzsche's Philosophy and the idea policy, In: Nietzsche and contemporary Western thought, a collection of articles edited by C. Kaplun, SPb.; M: European University at St. Petersburg: Summer garden, 2003, 592 S. - (the EUR. University in St. Petersburg. f-t watered. science and sociology, vol. 9), p.13
11. V. Kaplun, "Big politics" Nietzsche and the myth of Europe, In: Nietzsche and contemporary Western thought, *ibid*, page 96-153
12. F. Nietzsche, the Gay science vol. 1, page 509
13. *ibid*, page 705
14. Emil Cioran, the Temptation of frustration, Mitin journal, vol. 56 (1998), p. 300-307, Internet resource: www.aphorism-portal.info
15. Nietzsche, Thus spoke Zarathustra, despising the body, so 2, page 24
16. *ibid*
17. Nietzsche, beyond good and evil, *ibid*, vol. 2, str
18. V.F.Odoevskii, Russian nights, Leningrad, "Nauka", 1975, page 25
19. citation by: Bruce Schneier: "Secrets and lies. The security of data in a digital world", www.egradaran.am
20. citation by: T. Mann, Nietzsche's Philosophy in light of our experience, www.nietzsche.ru
21. citation: R. J. Hallingdal, Friedrich Nietzsche and the tragedy restless soul www.nietzsche.ru
22. C.G.Jung, Seminars about Nietzsche, Internet resource: www.castalia.ru
23. S. Zweig, Friedrich Nietzsche, www.nicshe.velchel.ru
24. Nietzsche, the Antichrist, works in two volumes, M, 1990, publishing house "Thought",
25. so 2, page 635
26. *ibid*, page 673
27. *ibid*
28. *ibid*, page 672

29. *ibid*, page 644
30. R. Strainer, *My way of life*, 2002, Evidentis, pp. 199-200
31. *ibid*, pp. 178-179
32. F. Nietzsche, *To the genealogy of morals, the Consideration of the second*, www.lib.ru
33. Nietzsche, *Ecce Homo*, *ibid*, so 2, page 742
34. F. Nietzsche, *the Gay science*, M, publishing house EKSMO-press, 1999, page 20

Информация об авторе

Шавердян Гаяне Михайловна

(Республика Армения, Ереван)

Доктор психологических наук,

заведующая кафедрой социальной психологии

Ереванский государственный университет

E-mail: gms17@yahoo.com

Information about the author

Shaverdian Gaiane Mikhailovna

(Republic of Armenia, Yerevan)

Doctor of Psychology

Head of the Department of Social Psychology

Yerevan State University

E-mail: gms17@yahoo.com